

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Д. Шагдаров¹
Б.Д. Цыренов²

Обозначенную в названии доклада тему мы понимаем как все большее распространение общих черт, присущих многим языкам мира, и в бурятском языке.

Известно, что характерной чертой человеческого общества в настоящее время является все большая интернационализация всей хозяйственной, политической и духовной жизни человечества во всемирном масштабе, которая ныне по-другому именуется глобализацией. Это объективная закономерность, основанная на единстве общечеловеческих интересов. Ныне глобальный характер приобретают средства связи, коммуникации, пути сообщения, быт, метеослужба, даже загрязнение внешней среды. Все более растет взаимосвязь и взаимозависимость между национальными экономиками.

Процесс сближения происходит и в языках народов земного шара. Глобализация хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни, процесса познания и мышления обуславливает возникновение некоторых общих закономерностей в области лексики, семантики, фразеологии в языках многих народов.

Появление интернациональных черт в бурятском языке обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, не подлежит сомнению тот факт, что современная жизнь бурят разительно отличается от жизни в бурятском обществе в дореволюционное время и в послереволюционный период. Характерным для нее является интенсивное распространение новых форм материальной и духовной культуры. Исчезло, например, традиционное бурятское жилище – войлочная юрта со всеми ее атрибутами, и в связи с этим отошла в пассивный запас словаря весьма разветвленная терминология юрты: *хана* – отдельные складные решетки, ее виды: *зайдан хана* (букв, открытая стека) – стенки с большими ячейками решеток (14-15 см.), *түлгэ хана* (букв, овца-двухлетка-стена) – стенки с ячейками около 10 см., *хурьган хана* (букв, ягненок-стена) – стенки с маленькими ячейками; верхнее отверстие юрты называлось *тооно*; это был круг диаметров около метра, сделанный из березы, в котором имеется около 60-70 дырочек-ячеек для *уняа* – потолочных палок из сосны (наподобие стропил); верхние концы их втыкаются в ячейки *тооно*, волосяные петельки на нижних концах *уняа* надеваются на головки решеток. Так воздвигался каркас – остов юрты, на который сначала набрасывают четыре стенных войлока – *туурга*, а также два потолочных войлока –

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

туурга, а также два потолочных войлока – *дээбэри* и т.д. Теперь буряты живут в городах и селах в выстроенных по типовому проекту домах, в которых терминология большей частью общая, интернациональная: зал, кухни, ванна и т.д. Везде в домах появилась современная мебель с общими названиями: радио, телевизор, компьютер, видеотехника. Легковые и другие машины, мотоциклы и велосипеды являются обыденным транспортом, терминология их также общая. Изменились пища, одежда людей, они также наделены общей интернациональной терминологией.

Вторым обстоятельством, обусловившим интернационализацию лексики и других сторон языка, явилось то, что в бывшем Советском Союзе проживало свыше 130 наций и народностей. Более половины населения нашей страны составляли русские, 12 национальностей насчитывали от 10 до 1 млн. человек, 11 – от 1 млн. до 500 тыс., остальные менее 500 тыс. человек каждая. Совершенно очевидно, что в таких условиях невозможно было обойтись без языка межнационального общения, в качестве второго объективно выдвинулся русский язык. Таким образом, сближение языков в нашей стране происходило и происходит, как правило, не в результате непосредственного взаимодействия их между собой, а главным образом благодаря мощному влиянию русского языка на все языки нашей страны.

Слова международного словарного фонда через русский язык в виде заимствований и калек внедрились в бурятский язык и ликвидировали многие лакуны, т.е. восполнили отсутствующие слова. Это, в частности, терминология общественно-политической жизни, терминология общественных и естественно-технических наук, в том числе философские, экономические, юридические, литературоведческие, лингвистические, физические, химические, математические, биологические, медицинские и другие термины; промышленная терминология типа станок, токарь, сельскохозяйственная (отара, фермэ, хлев, сакман, поли, горох, кукуруза, помидор, груша); термины транспорта и связи; военная терминология; спортивная, музыкальная терминология; названия предприятий, учреждений, учебных заведений; названия профессий; названия единиц измерений расстояния и веса; названия месяцев, дней недели, временных отрезков; названия типа: уют, мылэ, щетка, порошок; сокращенные названия – разнообразные аббревиатуры.

Для многих языков России и СНГ общими являются наиболее распространенные способы обогащения словарного состава на основе исконного материала: 1) исконное слово получает новое значение: кирг. *тамыр* – корень (растения), новое значение – *корень* (матем. и лингв.), бур. *үндээн* – корень (растения), новое значение – *корень* (матем. и лингв.); чув. *юхам* – течение (реки), новое значение – общественное течение: те же значения имеет бур. *урасхал*; 2) образование неологизмов посредством аффиксального способа словообразования: татар, *эш-че*, бур. *хүдэлмэри-шэн* – рабочий, татар, *эш-сез-лек*, бур. *ажал-гүй-дэлгэ* – безработица; 3) калькирование основ: *хисеп-хами*, бур. *хүндэлэлэй самбар* – доска почета; чув. *херле хетес*, бур. *улаан булан* – красный уголок.

В результате всех этих процессов бурятский и другие восточные языки по лексике значительно приблизились к мировым европейским языкам, и большая часть тематических групп слов в значительной своей части стала совпадать в этих языках.

Общие явления в языках народов нашей страны и СНГ наблюдаются в области синтаксиса. Особенностью многих восточных языков было то, что в них доминировали глагольные словосочетания. К настоящему времени значительное распространение

получили именные и другие типы словосочетаний. Раньше в книжных восточных языки употреблялись длиннейшие синтаксические конструкции, не совсем точно называемые «периодами». Вместо них стали употребляться синтаксически прозрачные, более лаконичные и четко структурированные предложения, четко стали выделяться разные типы сложных предложений.

Сближение языков нашей страны в области звукового строя проявляется в том, что многие языки заимствовали из русского языка определенные звуки; в языках образовались новые фонетические закономерности (прекратилась сильная фонетическая адаптация заимствованных слов, появились новые сочетания звуков) Значительно сблизились графические системы языка, правила пунктуации в большинстве языков установились по европейскому типу, главным образом по русскому образцу. Общие явления наблюдаются и в области морфологии. В частности увеличивается объем значений падежей, развиваются однотипные абстрактные значения. Чаше стало употребляться множественное число.

Все вышеперечисленные проявления глобализации в области языка можно охарактеризовать как прогрессивные явления, обогащающие языки. Однако она имеет и отрицательную сторону. Дело в том, что в результате интенсивного развития массового двуязычия повседневная разговорная речь носителя национального языка насыщается все большим количеством заимствований, главным образом в области лексики и фразеологии. В повседневном языке мало прививаются новолитературные оригинальные слова. Например, в разговорной речи скорее скажут: *ехэ знанитай хүн* в м. лит. *ехэ* (или *эрдэм мэдэсэтэй*) *мэдэсэтэй хүн* – человек с большими знаниями. На конференции по бурятской художественной речи (1978 г.) было внесено предложение в таких случаях больше допускать употребление заимствованных слов. Хотя это предложение тогда вызвало возражения со стороны некоторых писателей, на практике в некоторых случаях больше стало использоваться заимствованных слов. Так, в повести Ц. Цырендоржиева «*Хуурайн дабаанай шүдхэрнүүд*» («Черти Хурайского перевала», 2002 г.), рассказывается о подростке, родители которого занимаются челночным бизнесом. О нем говорится: *эгээл клёвоор хубсалдаг, эгээл крутой видео аудиотехникэтэй, угаа баян предогүүдтэй хүбүүн*. В свое отсутствие родители оставляют сына на попечении одной женщины, по отношению к которой употребляются такие слова и выражения: *тетя Галя, домработница, поварой мэргэжэлтэй, старая дева, юушье үгөө наа, кулинарна шедевр болгодог, эрэшүүлдэ эльгэ нимгэн эхэнэр, эйфоридо орошохо, настроенишь адаглаха*. И вот эта женщина хочет уйти на ночь, оставив дома одного парня, которого про себя называет *эзэнэй лоботряс, хайрата чадонь, эжыгээ инфарктда оруулан алдадаг и т.д.* Она уговаривает его куда-то не отлучаться, не включать громко музыку, на что парень говорит:

– *Тетя Галя! Дэмы хооноор агаар доьолгоонгүй, дурадхалтай байгаа наа, наашань, боошхо дээрэ... баагсануудые... гэбэ.*

– *Оһоо! Зөө! Иимэ аргументтэй дурадхалда арсалта юун байхаб?*

Подобного рода калькированные выражения и заимствованные слова употребляют и мать подростка (*первопрестольнодо удаарха болообди, столица табинагуй, навар үгы; бүхэ гэгшээр тааланаб. Бултанда привет! Шамаяа умоляю: ой руу алхамшье бү хээрэй, экологби гэжэ байгаад, энэ тэрэ конфликтнуудта бу оро*), и тетя Галя: *Левэ берегтэ* и т.д.

Употребление такой, несколько макаронической речи вполне уместно, особенно в произведениях, посвященных молодым людям, которые только учатся бурятскому языку. Однако это никак не означает, что необходимо превратить весь литературный язык в такой стиль. Подводя итоги вышеупомянутой конференции наши известные языковеды Ц.Б. Цыдендамбаев и В.И. Рассадин писали: «Надо сохранить ранее созданный книжно-литературный стиль, соответствующие этому стилю слова и выражения и вместе с тем разработать разговорно-литературный стиль путем сравнительно более широкого доступа в литературный язык русских заимствованных слов, а также бурятских разговорных и диалектных слов и выражений.

Для большей ясности изложенное можно проиллюстрировать примерами, большая часть которых фигурировала в выступлениях противников этой превратно понятой «замены». Еще и еще раз следует объяснить, что вовсе не обязательно заменять *түсэб* на *план*, *мүрысөөн* на *соревновани*, *хото* на *город*, *үтэгжүүлгэ* на *удобрени*, *амжалта* на *бүтэмжэ* или, тем более, на *успех* и т.д., а надо в нужных случаях употреблять литературно-книжные *түсэб*, *мүрысөөн*, *хото*, *үтэгжүүлгэ*, *амжалта* и т.п. Но когда этого требуют интересы доступности, нужно научиться писать и в более разговорном стиле, не боясь употреблять *план*, *соревновани*, *город*, *удобрени*, *бүтэмжэ* и т.д. Таким образом, речь не шла и не идет о замене одного слова другим, а говорится о создании более широкой двухстилевой базы бурятского литературного языка, об обогащении этого языка, об обеспечении стилистической гибкости этому языку, о том, чтобы он был доступным для читателей, для народа» [Язык художественной литературы Бурятии ... 1982].

В связи с этим следует заметить, что язык газеты «Буряад үнэн» в котором перестали публиковаться обширные переводные материалы, доклады и т.д., эволюционирует в сторону разговорно-демократического стиля, особенно язык еженедельника «Дүхэриг». На наш взгляд, этот стиль, безусловно, должен доминировать в речах персонажей, а также в текстах, написанных от первого лица.

Выше мы обозначили процессы, происходящие в бурятском языке, в сознании, образе мышления бурят, и эти процессы обуславливают ряд проблем и задач, решение которых должно, как нам кажется, определять дальнейшее развитие исследований по бурятскому языку. Все эти и задачи и проблемы прежде всего должны быть соединены между собой одной нитью – это сохранение бурятского языка, как основного, основообразующего элемента, составляющего фундамент бурятской культуры, бурятской идентичности, что особенно актуально в условиях глобализации.

Последнее время все чаще возникает у ученых и в обществе вопрос: представляют ли собой буряты (живущие как в Бурятии, так и в других территориях России) единую нацию? Такой вопрос не только неуместен, но и больше того он деструктивен, разрушителен как для языка, так и для всего народа. Странно, что даже в среде такого не столь многочисленного этноса как буряты возникают такие откровенно сепаратистские поползновения, которые обусловлены якобы значительными диалектными различиями. Да, бурятский язык многодиалектный, и различия между диалектами есть, но они совсем незначительны, чтобы быть поводом для таких настроений.

Но справедливости ради следует отметить, что мы до сих пор не владеем полной картиной диалектной структуры бурятского языка. БИОН, ныне ИМБТ СО РАН проводили и проводят обширные исследования всех говоров и диалектов, исследуя язык жителей буквально каждой деревни. Но результаты этих исследований теряют

большую часть своего значения из-за того, что нет обобщающих трудов по бурятской диалектологии, которые дали бы полную картину диалектного состава бурятского языка и помогли найти пути нивелировки, преодоления диалектных различий. У нас так и не создан полноценный диалектологический словарь бурятского языка, несмотря на наличие богатейшего материала, собранного сотрудниками нашего института.

Это одна из задач, стоящих в перспективе перед бурятским языковедением. Нивелировка диалектных различий, взаимопроникновение диалектов – это по сути мини-глобализация на уровне бурятского языка.

Стилистическая дифференциация бурятского языка была исследована в известной монографии проф. Л.Д. Шагдарова [Шагдаров 1974]. Отсюда мы знаем, что за время существования современного бурятского литературного языка развились художественно-литературный, общественно-публицистический, учебно-педагогический и литературно-разговорный стили. В настоящий момент мы можем говорить о функционировании художественно-литературного и учебно-педагогического стилей, но в отношении этих четырех стилей мы не можем говорить о развитии. Да, сейчас объективно нет условий для развития: о каком развитии можно говорить, когда эти стили практически не используются – ведь развитие процесс эволюционный, протекающий в деятельности, движении. Это обозначает еще одну проблему – исследование стилей бурятского языка. Огромное значение имеет в этом плане изучение разговорного бурятского языка, процессов, идущих в этом пока еще живом, бурлящем и пока еще достаточно богатом уровне существования языка.

Ни для кого не секрет, что в селах и даже в Улан-Удэ, в среде недавних мигрантов из сел очень многие общаются на бурятском языке. Это естественная жизнь языка. Узнав как существует язык в этом ярусе, мы сможем вывести «рецепт», который обеспечит витальность языка во всех функциональных сферах его употребления.

Стилистика вплотную примыкает, а порой и охватывает такие уровни языка, как лексика, морфология, синтаксис, проявляя себя как наддисциплинарное явление. В этом плане крайне интересно и полезно исследовать особенности словоупотребления, процессов заимствования слов, особенностей употребления грамматических категорий, реализации различных структурных моделей, функционально-семантических типов предложений. Все это послужит обогащению и укреплению литературного бурятского языка.

Перед исследователями бурятского языка стоит не менее важная задача по отслеживанию, наблюдению и, если это необходимо, возможно мягкое корректирование языка СМИ, сценической речи актеров, куда массово и зачастую неоправданно проникают заимствования и кальки, как лексические, так и грамматические. Последние делают язык дикторов ТВ и радио тяжеловесным, трескуче-бюрократическим и малопонятным для большинства аудитории, тем более носителей «нелитературного» (нехоринского) диалекта.

Требует пристального внимания лексикология бурятского языка. Удивительно, что до сего времени в языковедении лексикологии было практически отказано академичности, она традиционно противопоставляется грамматике, положения которой носят постулирующий, законодательный характер.

И, наконец, о самом важном, о том, что, возможно, станет тем спасительным кругом, который не даст утонуть бурятскому языку в море глобализации – это развитие лингводидактики, или даже лучше будет сказать, становление и развитие. В

бурятоведении (в узком понимании) совершенно не развита эта отрасль прикладного языкознания, даже в той части, которая касается преподавания бурятского языка по национальной программе, не говоря уже о дисциплине «бурятский язык как государственный». Обучение детей (не только бурят) бурятскому языку – это создание своеобразного фундамента для дальнейшего развития языка. Ведь язык существует, пока на нем говорят.

В этой области, равно как и в других, названных нами выше предстоит сделать очень много. Академическая наука готова взяться за это, засучив рукава, но объять необъятное невозможно, и стоящие перед нами задачи будут решаться постепенно. Огромным ресурсом обладает вузовская наука. Преподаватели вузов, привлекая студентов – практически уже готовых специалистов высокого уровня подготовки, могут вполне успешно решать эти задачи (здесь мы прежде всего имеем в виду восточный факультет, НГИ, ФНО Бурятского государственного университета). Здесь как нельзя кстати окажутся идеи об интеграции академической и вузовской науки: тесное взаимодействие вузов и Академии наук.

В заключение заметим, что бурятский язык имеет все шансы не только выжить, сохраниться, но и успешно развиваться в условиях глобализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. – Улан-Удэ, 1974.
2. Язык художественной литературы Бурятии. - Улан-Удэ, 1982. С. 129.

SUMMARY

According to the scholars, as a result of globalization processes, the Buryat and other oriental languages on the vocabulary is much closer to global European languages, and most of the thematic groups of words in large part become the same in these languages. They began to be used syntactically transparent, more lucid, well-structured, clearly began to stand out different types of complex sentences.